

Глава 19. Мазохист

Мягкий свет заливал комнату. Фэй Цзиншо битый час шнырял по кухне, но, обнаружив в холодильнике лишь одну-единственную, сиротливую бутылочку питательного раствора, молча закрыл дверцу термостата. Налив в стакан простой теплой воды, он вернулся в гостиную.

— Е Чэндэ, я только-только переехал, так что... извини. Пока только вода.

— Угу, — коротко отозвался тот.

Е Чэндэ принял стакан, осушил его в один глоток и поставил на стол. Сделав пару шагов вперед под натянутым взглядом Цзиншо, он приподнял бровь, придвинул стул и сел. Спина прямая, выправка безупречная — армейские привычки не скроешь.

— Садись, Фэй Цзиншо. Нам нужно серьезно поговорить.

— Ладно... — Цзиншо выдавил слабую улыбку. — О чем?

Фэй Цзиншо изо всех сил старался не выдать своего замешательства, но сердце предательски ускорило ход. Е Чэндэ больше не проронил ни слова, однако Цзиншо послушно притянул стул и сел напротив. Он инстинктивно опустил голову и сцепил пальцы на коленях — вылитый школьник, провинившийся перед строгим завучем.

«Позорище, — мысленно застонал он. — Своим поведением я просто растоптал достоинство всех попаданцев во Вселенной»

Но поделаться с собой ничего не мог. Ведь перед ним сидел сам Е Чэндэ.

В душе Фэй Цзиншо рыдал горячими слезами.

Е Чэндэ. Двадцать семь лет. Характер — кремень. Говорит коротко, по делу, лишних слов не тратит, нерешительности не терпит.

Когда Е Чэндэ исполнилось семь, его родители погибли в автокатастрофе. Мальчика приютили Фэй Вэйи и Вэнь Цзися. Почти все время он проводил в стенах военной академии, возвращаясь домой лишь изредка. Чувствуя себя обязанным перед приемной семьей и стремясь исполнить долг старшего брата, он изо всех сил опекал младшего. Вот только методы у него были специфические — сказывалась жесткая армейская муштра. Для маленького Фэй Цзиншо эта «забота» оборачивалась суровым спартанским воспитанием.

А тут еще и семейная драма. Приемные родители заботились о Чэндэ едва ли не больше, чем о родном сыне. Вэнь Цзися перед сиротой разыгрывала идеальную, любящую мать, тогда как

настоящему Фэй Цзиншо доставались лишь крохи внимания. Обиженный ребенок вбил себе в голову, что родители разлюбили его именно из-за приемыша. Чтобы вернуть их любовь или хотя бы обратить на себя внимание, прежний Фэй Цзиншо из кожи вон лез перед старшим братом: капризничал, пакостил, устраивал сцены.

Обычно Е Чэндэ просто не замечал этих выходов. Но стоило Цзиншо перейти черту, как в ход шла тяжелая артиллерия армейского воспитания:

— Настоящий мужчина не скулит.

— Настоящий мужчина должен уметь терпеть боль.

— Настоящий мужчина...

От одних этих воспоминаний у нынешнего Фэй Цзиншо заломило все кости.

А прежний хозяин тела, судя по всему, был латентным мазохистом. Получая нагоняи, он только расцветал и удваивал усилия. Годы такого общения привели к тому, что стоило Е Чэндэ нахмуриться или подать голос, как у бедолаги Цзиншо подскакивал пульс, перехватывало дыхание и просыпалось непреодолимое чувство вины.

До сегодняшнего дня Цзиншо наивно полагал, что полностью избавился от пережитков чужой личности. Но стоило Е Чэндэ переступить порог его нового дома, как старые инстинкты за секунду взяли верх. По венам ударил адреналин, дыхание сбилось, а в груди заворочался липкий страх.

Поначалу он даже грешным делом подумал, что столкнулся с тайным любовником прежнего владельца тела. Но реальность оказалась куда прозаичнее.

«Да уж, от такой правды хоть плачь... — уныло подумал он. — Уж лучше бы это был бывший любовник. С тем хотя бы можно было договориться...»

(Хотя откуда у Фэй Цзиншо — закоренелого хикикомори и девственника до мозга костей — вообще возникли мысли о любовниках мужского пола, оставалось загадкой.)

Как бы там ни было, разыгрывать из себя покорного мазохиста новый Фэй Цзиншо не собирался. К несчастью, привычка робеть и тушеваться перед этим грозным мужчиной въелась в плоть и кровь хозяина тела.

Е Чэндэ, разумеется, и не подозревал о подмене. Глядя на непривычно тихого, послушного брата, он на миг замер в недоумении. Резкая перемена в поведении вчерашнего смутьяна казалась почти невозможной.

Впрочем, будучи человеком прямолинейным и далеким от психологических тонкостей, военный не стал увязать в размышлениях. Раз уж Цзиншо вел себя смирно, можно было сразу перейти к делу.

— От дяди Фэя и тети Вэнь я слышал, что ты сам настоял на переезде. Это правда?

— Да, — кивнул Цзиншо.

— Что ж, одобряю. Взрослому мужчине пора обзавестись собственным делом.

— Ну надо же... — тихо хмыкнул Цзиншо.

— Ты уехал пять дней назад, — продолжил Е Чэндэ жестким тоном. — И за все это время ни разу не навестил родителей. Даже не позвонил. Как сын, ты поступаешь безответственно. Сегодня уже поздно, отдыхай. А завтра утром поедешь со мной к дяде Фэю и тете Вэнь. Хватит трепать им нервы.

«Безответственно? Навестить их? Хватит трепать им нервы?»

Фэй Цзиншо, до этого сидевший с опущенной головой, резко вскинул взгляд.

Мягкое кухонное освещение обычно сглаживало острые углы, но лица Е Чэндэ оно почти не изменило. Резкие, словно высеченные из гранита черты, тяжелый взгляд исподлобья — этот человек излучал первобытную силу и властность. От него веяло опасностью.

Но какого черта он решает за других? С чего он взял, что имеет право читать нотации, выслушав лишь одну сторону?

Да, Цзиншо плохо помнил подробности отношений прежнего владельца тела с родителями. Как попаданец, он вообще не испытывал к Фэй Вэйи и Вэнь Цзися никаких теплых чувств. И все же эгоистичное поведение этой парочки вызывало у него глухое раздражение. А каково было настоящему сыну годами сносить такое отношение?

Беспокоятся они, как же!

Да им просто не давал покоя тот факт, что послушная прежде игрушка вдруг проявила характер и вырвалась из-под контроля!

— Что, не хочешь? — Е Чэндэ слегка нахмурился. Одного этого мимического движения хватило, чтобы атмосфера в комнате сгустилась до предела.

«Армейская муштра... спартанское воспитание... сейчас он покажет тебе, где раки зимуют...»
— эти мысли завертелись в голове Цзиншо бешеной каруселью.

Сердце заколотилось в груди, как безумный метроном. Бум, бум, бум.

Цзиншо нервно облизнул пересохшие губы и резко поднялся со стула.

— Да, Е Чэндэ. Я не хочу.

Смотреть на этого громилу сверху вниз оказалось на удивление приятно! Страх никуда не делся, картинки «железной дисциплины» проносились перед глазами яркими, болезненными вспышками, но отступить было поздно.

Цзиншо поймал тяжелый взгляд снизу вверх, вызывающе вскинул подбородок и криво усмехнулся:

— Я понимаю, почему ты за них заступаешься. Они вырастили тебя, облизывали с ног до головы, и ты платишь им преданностью. Но ты понятия не имеешь, как они относились ко мне. И у тебя нет ни малейшего права указывать, как я должен себя с ними вести! Кто ты такой? Какое право ты имеешь от меня что-то требовать?

С каждым словом его голос крепчал, наполняясь ядовитым сарказмом.

Е Чэндэ молчал, буравя его взглядом, но Фэй Цзиншо от этого только расправлял плечи. Ему внезапно стало так легко, словно с души свалился огромный камень.

Он сам не знал, чьи это были слова — его собственные или запоздалый бунт прежнего хозяина тела. Но в этот миг Фэй Цзиншо до конца понял, почему тот стал скрытым мазохистом.

Когда тебя загоняют в угол, когда терпеть больше нет сил, остается либо сломаться окончательно, либо взбунтоваться вопреки всякой логике.

<http://bllate.org/book/18999/1951402>